

Лена
ГОЛД

На грани

РАЗВОДА

ДИАГНОЗ:

Измена

Лена Голд

На грани развод.

Диагноз: измена

<https://litres.ru/74432854>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мой муж попал в аварию. Я еле смогла вернуть его к жизни. Но... оказалось, у него есть любовница, которая утверждает, что именно она его жена.

Кто же тогда я?

— Милый, я так волновалась, — ее рыдания перерастают за две секунды в истерику. — Еще эта — убийственный взгляд в мою сторону. — Я так боялась, что она что-то сделает, когда узнает о нас.

— О вас? — переспрашиваю я. — Никита, кто эта девушка и почему она представляется твоей женой?

— Это Виолетта, — отвечает муж так, будто репетировал эту речь. Слишком ровно и спокойно. Он, кажется, считает, что его слова в норме вещей: — И мы любим друг друга.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Лена Голд

На грани развод.

Диагноз: измена

Глава 1

— Анна Валерьевна, первая смотровая, — медсестра-регистратор просит меня взять пациента с болью в правом подребье, едва я ставлю подпись в журнале.

Утро началось с улыбки. С двух улыбок. Моей и мужа. По квартире разносился запах кофе, на столе стоял свежий букет цветов. Никита уже был в костюме — торопился, но успел и мне цветы заказать, и завтрак приготовить. Причем букет был без повода, но муж, как он сам выражается, любит меня радовать, и какая-то определенная дата ему для этого не нужна.

Но стоило мне выйти из дома, как все пошло наперекосяк. Сначала я пробила колесо, едва выехав из двора, хорошо, что скорость набрать не успела. Такси никак не хотело ехать — час пик. На работу я бежала так, что подвернула ногу на крыльце и чуть не полетела спиной с лестницы.

В приемном вроде бы никакого аврала, поэтому буду надеяться, что это все были мелкие неурядицы. Бывает же та-

кое? Несомненно. Просто одно наложилось на другое.

Как я и предполагала, день летит привычно, кроме того момента, что муж не отвечает на звонки и перезванивает. Дело не в том, что Никита не берет трубку. У него тоже работа. Обычно он присылает мне сообщение, если занят, но сейчас я проверяю телефон после звонка каждые пять минут — и ничего нет.

Я полдня пытаюсь ему дозвониться, но безрезультатно. К девяти вечера мое волнение достигает предела.

Где, черт возьми, Никита?

Почему не отвечает?

Вызвать врача другой смены на замену и поехать домой? Нет, не из-за того, что муж не отвечает на звонки.

— Аня, — Егор, мой коллега, распахивает дверь, что та с грохотом бьется о наши шкафчики, когда я заполняю карты. — Везут аварию. Двое с легкими, один без сознания с возможной закрытой ЧМТ.

Секунда — я уже выхожу в холл приемного. Проблесковые маячки скорой за стеклянными дверьми, звук сирены... Обычная ситуация, но ладони почему-то потеют. Я должна собраться сейчас, но интуиция почти вопит, что этот день, начавшийся паршиво, не может закончиться хорошо.

— Аня, ты берешь тяжелого? — спрашивает Егор, и я машинально киваю, когда фельдшер скорой передает документы в регистратуру, произнося:

— Калиновский Никита Русланович, — а дальше предва-

рительный диагноз и действия на месте вызова.

Но после имени я ничего не слышу. Я застываю. Впервые в жизни застываю на работе, не реагируя. В голове ни одной мысли, хотя за годы работы они возникают почти машинально: МРТ, УЗИ, рентген...

— Никита!!! — женский голос перекрывает весь гул приемного, и я вздрагиваю.

В ушах все еще этот крик, полный отчаяния. Это же она... Она о моем муже? Девчонка, иначе ее не назвать, почти бросается на грудь Никите, громко всхлипывая.

— Девушка, — фельдшер скорой мягко отодвигает незнакомку. — Никита ваш без сознания, дайте работать врачам, нам и так не дали на месте аварии.

Никита ваш... Ее, что ли? Я наблюдаю за этим со стороны, как будто меня здесь нет. Фельдшер говорит, что она была с ним. Эта девушка... Молодая совсем, лет двадцать.

— Виолетта... — не приходит толком в себя, но спутанное сознание моего мужа выдает только одно имя.

И оно не мое...

— Да, милый, — тут же отзывается девушка, беря Никиту за руку. — Я здесь, я с тобой.

Таких картин я видела много, но не ожидала, что когда-то главными действующими лицами станут мой муж и другая женщина. А я... я буду стоять в стороне, словно оцепеневшая, и просто смотреть. Не возражать, не опровергать — только смотреть, не понимая, что вообще происходит.

— Аня! — встряхивает меня за плечи Егор, и я перевожу взгляд на него. — Черт! — хлопает себя по лбу. — Это твой муж, да? Я беру. Везите на МРТ. Аня, соберись.

Наконец каталка скрывается в глубине коридора.

— Куда повезли Никиту? — незнакомка хочет броситься следом за каталкой, но ее останавливают.

— А вы кем ему приходитеесь? — Егор, которому бы не мешало тоже уже отправиться в кабинет МРТ, бросив на меня быстрый взгляд, спрашивает раньше регистратора.

— Я его жена! — вопит девушка, переходя на такие ноты, что у меня закладывает уши.

Хотя скорее не от ее голоса, а от того, что она сказала... Жена? Она представляется его женой! А я тогда кто?

— Кто? — спрашиваю, не веря, что все это реальность, что все происходит со мной.

Я бы могла подумать, что однофамилец здесь где-то. Ага, и тезка. Если бы я не видела все своими глазами... Нет, эта девушка в дорогом костюме приехала с моим мужем. МО-ИМ! Но она утверждает, что Никита ее муж.

Егор смотрит в паспорт этой Виолетты, потом на нее саму, затем переводит взгляд на меня. Я вырываю документ, желая расставить все точки над *i*, но вижу совершенно другую фамилию.

— Вы утверждаете, что Никита Русланович Калиновский — ваш муж? — кивком отправляю Егора с намеком, что ему пора заняться пациентом.

Нехотя, но коллега уходит. И я тоже должна идти, только меня разрывает между желанием остаться здесь и прояснить ситуацию и... И посмотреть результаты обследования, чтобы помочь Егору.

И тут... Виолетта, представившаяся женой моего мужа... Как же абсурдно звучит! Она переводит взгляд на мой бейдж, морщится. И поднимает на меня глаза, полные ненависти. Ох, если бы взглядом можно было убивать. А затем в ее глазах мелькает узнавание, хотя я не припомню, чтобы мы раньше встречались.

Она знает обо мне — сомнений нет.

— Будущая жена, — с вызовом смотрит на меня.

— Покиньте помещение, — указывая на выход.

Сейчас у меня нет ни времени, ни сил, чтобы с ней разбираться. Уверена, Никита все объяснит, когда придет в себя. Видимых повреждений у мужа нет — это, в каком бы ступоре я ни пребывала, отметила машинально.

— Не имеешь права, — переходит на «ты». — И если с ним что-нибудь случится, — а вот это уже звучит как угроза, — то тебе конец. Ты не представляешь, кто мой отец.

Она намекает, что я могу... Господи, как ей могло такое в голову прийти? Второй раз за последние двадцать минут я чувствую, как меня парализует шок. А ведь это медицина, неотложная медицина — собранность, скорость, секунды на решение, ни доли секунды на эмоции. Но не тогда, когда дело касается тебя и твоих близких. Объективность отступает, и

не получается мыслить рационально, как врач.

— Я прошу вас покинуть здание больницы, — в моем голосе ледяное спокойствие, хотя внутри полыхает пожар. — Официально вы пациенту никто.

— Я никто? Это ты скоро станешь никем, — злорадно улыбается. — А я останусь здесь. Не имеешь права меня выгонять.

На нас уже смотрят и пациенты, и работники неотложки, даже два фельдшера скорой вроде как остановились у автомата, но кофе — это последнее, что их интересует.

И Виолетте, которая, кажется, чувствует себя примой на этом спектакле, все это представление доставляет удовольствие, в отличие от меня. Регистратор, совершенно не стесняясь, смотрит на нас с любопытством, буквально впитывая каждое слово. Через час вся больница будет судачить — здесь все разлетается быстро. Как же это все мерзко и отвратительно. Как же мне сейчас сложно держать лицо, но по-другому нельзя. Ненавижу скандалы, а вот Виолетта себя чувствует прямо в своей стихии.

Но я, вместо того чтобы идти к мужу, стою под прицелами десятков глаз и разбираюсь с его... кем? Любовницей?

Нет, это не могло случиться со мной! С нами... Только не Никита. Кто угодно, но он бы так не поступил.

Глава 2

— Что тут? — я становлюсь за спиной Егора и смотрю в монитор.

— Сотрясение, — отвечает коллега, не оборачиваясь. — Ненадолго пришел в сознание. Спрашивал, здесь ли... Виолетта.

Я сглатываю, сжимая руки в кулаки. То есть Никита, придя в себя, первым делом поинтересовался, здесь ли эта девушка? Егора мой муж должен был узнать — несколько раз встречались, а на память Никита никогда не жаловался.

Нет, я уверена, что всему есть объяснение... По-другому не может быть! Не после всего, через что мы вместе прошли.

— Переводишь сразу в палату? — продолжаю говорить исключительно на медицинскую тему, хотя вижу, что Егора распирает от любопытства.

Ничего, в этих стенах тайны недолго таковыми остаются. Скоро и до него дойдет, какой концерт устроила эта Виолетта в приемном. Уверена, медсестры уже позвонили и в другие отделения. И когда я шла сюда, эта девушка, представившаяся будущей женой Никиты, продолжала едва ли не проклятиями сыпать мне в спину на потеху публике. Я шла с каменным лицом по коридорам, но тяжесть взглядов почти пригибала меня к полу.

— Ань, — Егор оборачивается и заботливо начинает по-

глаживать меня по руке, — ты бы присела, что-то ты бледная. Я понимаю, что это все оказалось для тебя шоком...

— Никита мне все объяснит, — произношу сквозь зубы, хотя хочется кричать, чтобы не смотрели на меня с жалостью.

Мне не нужна ни жалость, ни поддержка, ни забота. Это мое дело с мужем, а не достояние всей больницы.

— Ты не веришь той девчонке? Выглядела она очень уверенной, — Егор продолжает давить на больную мозоль. — Я понимаю, что ты сейчас в отрицании. Да и сложно такое принять, но он звал ее, когда приходил в себя. Спрашивал о ней, Анют, а не о тебе.

— Хватит! — выдергиваю руку. — Скажи мне потом номер палаты.

Мне надо хоть немного побыть одной. Сделать глоток свежего воздуха. Привести мысли в порядок, что в данной ситуации вряд ли получится. Но иду я не на улицу. Поднимаюсь от суеты неотложки на пятый этаж и, зайдя в отделение, стучу в ординаторскую. Лера здесь одна, заполняет карты, и я замираю на входе, ожидая, пока она освободится. Наконец поворачивается в мою сторону и спрашивает:

— Чего стоишь с постной миной, Ань? Привет, кстати.

— Привет, — отвечаю, плотно закрывая дверь. — Ты свободна сейчас?

— Если к вам не вызовут, — закатывает она глаза. — Что у тебя? — спрашивает и проницательным врачебным взгля-

дом опускается от моего лица ниже.

Подозрение появилось на днях, но я не спешила радовать Никиту. Всякое случается, особенно с моей работой и бессонными ночами. Но было ощущение, словно... мой организм меняется. И сегодня, едва выехав из дома, я твердо решила заглянуть к Лере, чтобы удостовериться наверняка. Но вот только сейчас выдалась минутка. Может, не самое лучшее время, учитывая недавно развернувшуюся внизу сцену, только больше ждать я не могу. У Никиты лишь сотрясение, скоро он мне все объяснит, а я, возможно, обрадую его.

— УЗИ мне сделаешь? — интересуюсь в лоб.

— Да без проблем, — она ладонями отталкивается от подлокотников, и мы выходим из ординаторской.

Уже в кабинете УЗИ она задает стандартные вопросы для сбора анамнеза, пока я устраиваюсь на кушетке, а затем воцаряется молчание. Лера сосредоточенно смотрит на экран, я — в потолок.

— В полости матки одно плодное яйцо, — Лера говорит как на экзамене, понимая, что мне разжевывать не надо. — Расположено ближе к правому маточному углу. Диаметр почти одиннадцать миллиметров, это примерно...

— Примерно четыре недели, — киваю я, вспоминая азы гинекологии.

— КТР и сердцебиение не определяются, малый срок, — заканчивает Лера и поворачивается ко мне, нажав на печать. — Поздравляю, Ань. Правда, ты не похожа на счастливую

будущую маму. Я понимаю, что мы врачи и говорить о чем-то еще рано...

— Я рада, Лер, — сажусь на кушетке. — Просто... Скоро и до тебя дойдут сплетни. Моего мужа привезли, ничего серьезного. А с ним приехала девушка, которая кричит, что она его будущая жена. Представляешь? И тут я пришла к тебе, хотя собиралась еще с самого утра... В общем, все как-то... Не то чтобы странно, а больше походит на плохой анекдот.

Только здесь я могу выдохнуть и снять маску циничного врача. Здесь я женщина, которая узнала, что ждет ребенка. И я знаю, что наш с Лерой разговор не покинет стены этого кабинета.

— Ты сама прекрасно знаешь, с чем мы сталкиваемся каждый день, — Лера хлопает меня по руке, поддерживая. — Видели столько всего. Иногда жизнь подкидывает такие сюжеты, что любая фантазия отдыхает. Дай волю эмоциям, Ань, а то ты вечно как железная леди. Не держи все в себе.

Вняв совету и поблагодарив, иду вниз, но на пролете между третьим и вторым останавливаюсь у окна. Только дух перевести. Снова надеть свою рабочую маску.

Если бы мой муж знал, что на работе меня называют железной леди, а иногда и снежной королевой, не поверил. Домой я это не приношу. Дом, Никита, наши милые мелочи — моя тихая гавань. Мы прошли долгий путь. Познакомились, когда я была студенткой медицинского, а он только окончил

архитектурный. Мы все прошли вместе, начиная с комнаты в общежитии и лапши быстрого приготовления. И всегда... Черт возьми! Мы всегда доверяли друг другу! И сейчас я не должна даже позволять себе мысли, что Никита мог меня так предать с этой Виолеттой. Я не должна сомневаться в своем муже.

«Перевел. Он пришел в себя. Дамочки уже нет внизу», — приходит сообщение от Егора. Далее отделение и номер палаты. Под дамочкой понятно кого он имеет в виду. Вот и отлично. Пришла пора поговорить. Я, в отличие от Виолетты, не собираюсь устраивать скандал. А легкое сотрясение разговору людей, которые всегда друг друга с полуслова понимали, не помешает.

Возвращаюсь на один пролет вверх и иду в палату мужа. Егор, видимо, решил, что Никита — пациент с привилегиями, поэтому выпросил для него одноместную.

Останавливаюсь у двери, глубоко вздохнув. Почему-то страшно... Я уверена в муже, но подобный разговор у нас состоится впервые, и я, признаться, не знаю, с чего начать. Но всему всегда есть объяснение. И чем скорее я его получу, тем меньше буду мучить себя догадками.

Никита лежит с закрытыми глазами, ссадина на лбу обработана, выглядит он вполне неплохо. Услышав хлопок двери, муж медленно открывает глаза и собирается что-то сказать.

— Как ты? — спрашиваю первая, подходя ближе к кровати.

— Нормально, — отвечает он. — Ань, надо поговорить. Я не знаю, как тебе...

Никита не успевает закончить предложение. В палату вихрем влетает та самая девушка, которая называлась его женой. И кто ее только пропустил? Как вообще?

Она делает вид, что меня здесь нет. Едва ли не падает на грудь моему мужу, всхлипывая.

— Милый, я так волновалась, — ее рыдания почти перерастают за две секунды в форменную истерику, и я бы сказала, что это ненормально. — Еще эта... — опять убийственный взгляд в мою сторону. — Я так боялась, что она что-то сделает, когда узнает о нас.

— О вас? — переспрашиваю я. — Никита, кто эта девушка и почему она представляется твоей женой?

Мало мне было представления внизу, теперь еще и в другом отделении. Вот уж точно не мой день, тем более что около неплотно закрытой двери уже начали собираться люди.

— Это Виолетта, — отвечает муж так, словно репетировал эту речь, слишком ровно и спокойно, как будто не собирается перечеркнуть сейчас все. — И мы любим друг друга.

Глава 3

Вот так просто...

Мы любим друг друга...

Я не верю в то, что слышу. Нахожу сотню оправданий, мысли проносятся в голове со скоростью звука. Хвастаюсь за изножье кровати, чтобы устоять на ногах. Эти слова уже произнесены. И они означают то, что означают.

— Все услышала? — голос Виолетты доносится сквозь звон в ушах. — А она мне не поверила, — произносит уже мягче, обращаясь к Никите.

— Аня... — хочет сказать мне муж, но я останавливаю его жестом руки и выпрямляюсь.

Никаких объяснений здесь больше быть не может. Одной фразы достаточно. Четыре слова — и все. Четыре слова разрушили годы семейной жизни. Все кончено — больше говорить не о чем.

Как в трансе, выхожу из палаты, иду по коридору... И из этой прострации меня выводит только визг тормозов и крепкая хватка на локтях.

— С ума сошла, Ань? — Егор дергает меня на себя, когда машина скорой едва не проезжает мне по ногам. — Иди сюда.

Он разворачивает меня к себе и обнимает, наглаживая спину. А я стою, безвольно опустив руки, не двигаясь, а в

голове все те же четыре слова, произнесенные ровным голосом моего мужа.

Не помню, как я вышла на улицу, как чуть не угодила под колеса скорой. Я была все еще там, в палате, где Никите на грудь бросается другая женщина, где я чувствую себя третьей лишней.

— Егор,пусти, — прошу я, выворачиваясь из объятий коллеги.

Мало мне было концерта Виолетты в приемном, так сейчас еще меня Егор обнимает. А у него репутация известного ловеласа, не хватало еще масла в огонь добавить новыми сплетнями. Моя личная жизнь и так уже сегодня стала предметом обсуждения. Это точно была бомба. Я никогда не давала повода перемывать мне кости — просто ничего сверхъестественного не происходило. А тут целое представление. И сейчас еще Егор словно специально...

— Извини, — он отстраняется. — Я так испугался, когда увидел, что машина прямо на тебя несется из-за угла, а ты не реагируешь. Я тебя зову — не отзываешься. Пойдем внутрь.

Не хочу внутрь. Я не в том состоянии, чтобы выдерживать взгляды коллег. Но впереди еще целая ночь, и мне надо ее пережить.

— Давай, Ань, — Егор мягко подталкивает меня к входу. — Я чай заварю, пока тихо. Успокоишься. Если захочешь поговорить, то я рядом.

Я понимаю, что не смогу избегать коллег вечно. Знаю, что

от разговоров все равно никуда не денешься. Но сегодня хочется хоть недолго не держать лицо. Усталость сегодняшнего дня давит на плечи, голова раскалывается, мысли не собираются воедино, потому что одна вытесняется все остальные.

Мы любим друг друга!

А ведь еще утром... Боже мой, как будто в прошлой жизни было, а не меньше суток назад. Утром Никита вел себя как обычно. Не мог же он за пару часов влюбиться в Виолетту, попасть в аварию и понять, что она его единственная. Муж не задерживался на работе, не уезжал в мнимые командировки. По крайней мере, в те дни, когда я не была на дежурстве. И постоянно повторял, что не любит их, потому что приходится засыпать без меня. Сколько раз просил подумать о другой работе, без нервотрепки и бессонных ночей. Все чаще мы говорили о ребенке.

Ребенок... Нахожу в кармане халата клочок бумажки, который мне распечатала Лера. Я шла к Никите в палату с мыслью, что сейчас это недоразумение прояснится, мы вместе посмеемся, а потом я скажу, что у нас будет ребенок. Но ворвалась Виолетта, как будто имеет на это право. А ведь она же действительно думает, что имеет, несмотря на то, что пока законная жена Никиты — я.

Пока... Я всерьез думаю, что на этом все? Все наши совместные планы, мечты были перечеркнуты четырьмя словами.

— Что там у тебя? — Егор замечает мои движения паль-

цами в кармане, закрывая за нами дверь в ординаторскую.

— Ничего, — качаю головой, отодвигаю стул и наблюдаю за коллегой, который ставит чайник.

— Ты с мужем поговорила хоть? Он сказал, что это за девица? — он заводит тему, на которую я не хочу говорить. — Извини, если лезу не в свое дело, но я волнуюсь за тебя. Это все так...

— Ты лезешь не в свое дело, — повторяю за ним, но добавляю: — Спасибо за беспокойство, только не стоит.

— Колючка ты, Аня.

Может, и так. Но дома я не такая. С Никитой я не такая... была. Больше уже не буду. И ведь мне даже выплакаться некому. Был только муж, с которым я делилась всеми переживаниями и проблемами. Был наш маленький мир, где можно было не носить маски. Но, видимо, маску не носила только я.

И я, живя с человеком под одной крышей, не заметила, что у него появилась другая женщина? Тем более такая, как Виолетта. Эта девушка, как я поняла, не из тех, кто будет довольствоваться малым и смиренно ждать. Я должна была хоть что-то заметить!

Почему Никита, который обещал был честным со мной, как и я с ним, не сел и не поговорили со мной по-человечески. Не мог определиться? Хотел на двух стульях усидеть? Но сегодня он так легко сказал эти слова, как будто у него не было ни капли сомнений.

Как все быстро меняется. Как за один день весь твой мир может рухнуть. У моего мужа другая женщина. Я беременна. Коллеги разносят сплетни по коридорам и косятся на меня. А дальше что? Для начала хотя бы пережить это дежурство.

— Егор, ты извини, — когда молчание затягивается, я поднимаю взгляд от дымящейся чашки на коллегу. — День паршивый.

— Да я уже понял, — кивает он, не выразив ни голосом, ни выражением лица обиды. — Козел твой Никита. Ты тоже прости, но по твоему состоянию я понял, что ничего он тебе не объяснил. Я бы не пошел от такой женщины, как ты, налево. Анька, давай после дежурства поедem ко мне и хорошенько напьемся?

Ответить на это предложение отказом я не успеваю. В помещение врываются интерны, о чем-то споря, а потом обращаются к нам за помощью. Лучше уж работать, чем вести задушевные беседы с Егором.

Три самообращения, двое по скорой — я брала всех. Меня это хоть немного отвлекает от мыслей, что несколькими этажами выше мой муж, который сообщил, что любит другую женщину. К утру меня клонит в сон, и это даже хорошо. Может, хоть дома ненадолго забудусь. А затем...

А что мне делать? Подавать на развод? Уходить из квартиры? Иди ждать Никиту? У меня впервые нет четкого понимания своих дальнейших действий.

— Ну что, Ань? — Егор появляется рядом, когда я уже пе-

ределась и готова уходить. — Не подумала над моим предложением?

— Я устала, — отвечаю, захлопывая шкафчик. — Да и ты же должен помнить, что я с празднования выпускного не пью.

И я беременна... Но Егору об этом знать необязательно. А вот Никите бы стоило сообщить. Что бы ни произошло, он отец ребенка.

С ума сойти... Я еще пытаюсь его оправдать. Хотя констатация факта — это не оправдание.

— Давай хоть подвезу, — настаивает Егор.

— Я такси вызову, — снова отказываю.

— И все же ты колючка, — он улыбается. — Кстати, я не знаю, интересно ли тебе... — мнется, пристально глядя на меня. — Твоему мужу под утро стало хуже. Не знаю почему, субдуральная гематома не нуждалась в оперативном вмешательстве, но...

— Что с ним? — перебиваю Егора, упершись рукой в свой шкафчик.

— Спрашивай у Воронцова, сейчас он занимается твоим мужем, — коллега теряет интерес к разговору.

А меня ноги уже сами наверх... Несмотря ни на что. И я себя убеждаю, что это просто по-человечески. В отличие от того, как поступил мой муж.

Глава 4

С трудом верится, что только вчера утром все было по-другому. Я сижу на скамейке под раскидистым коленом, закрыв глаза, и мне произошедшее по-прежнему кажется дурным сном. Вот сейчас приду домой, меня будет ждать завтрак, возможно, и Никита дождется меня, чтобы увидеть хоть на пару минут, как он часто повторяет.

Но нет... Муж мой сейчас в реанимации, и Воронцов меня даже не пустил. Сказал ехать домой и отдыхать, а если что, он мне сообщит.

Если что... Как будто не с врачом разговаривал. И что-то мой старший коллега темнил. Не знаю как, но я словно чувствовала это нутром. Я смотрела снимки, когда Никиту привезли, Егор смотрел снимки. Мы вдвоем не могли пропустить ничего серьезного. Пусть я была немного не в себе, но субдуральную гематому, которую срочно надо на стол, не пропустили бы. Это просто невозможно.

Воронцов же Никиту не спешит определять в операционную. Если бы разрыв, сделал бы незамедлительно. Зачем реанимация? Я не была вправе критиковать действия другого врача, тем более доктора медицинских наук, у которого опыта в два раза больше моего. А все мои деликатные вопросы, чтобы выудить хоть немного больше информации, пресекались с такой же деликатностью.

Как бы то ни было, я переживаю за Никиту. Да, пусть предал, растоптал меня и мою гордость, преподнеся все так, как нельзя было. Словно я посторонняя для него. Словно мы не прожили вместе столько лет.

— Анята, — знакомый мужской голос заставляет открыть глаза.

— Дима? — с удивлением смотрю на партнера и друга Никиты. — А ты здесь откуда?

Они с мужем начинали сразу после института, работали не покладая рук, шли к своей мечте, так что Дима для нас практически член семьи. Правда, уже не нашей... Никита всегда его называл братом, таким он и останется.

— Мне позвонили, сказали, что по просьбе Ника, — Дима опускается на скамейку рядом со мной. — Воронцов какой-то. Просил приехать. Что случилось-то? Я толком ничего не понял. Спросил про состояние, как мне объяснили, все нормально. Как вы любите говорить — стабильно.

Сам врач позвонил по просьбе пациента? Это тоже не укладывается в голове, но она пока совершенно отказывается думать.

— Тебя все равно к нему не пустят, — отвечаю я, не вдаваясь в подробности. — Дима, ты знал, что у Никиты другая?

Молчание затягивается. Не выдержав, поворачиваюсь к мужчине, и ловлю его взгляд... удивленный и немного оценивающий. Он как будто решает: спросить прямо, не спятила ли я, или как-то аккуратно подойти к этому вопросу.

— Анют, ты чего? Ник тебя любит. Да он на других баб... то есть женщин и не смотрит, — Дима, как ожидалось, оправдывает друга, а может, на самом деле ничего не знает. — Слушай, — он приобнимает меня за плечи, — кто бы что тебе ни наговорил, все это бред. Никита у нас парень видный, на него с института от девочек до бабушек все вешались, поэтому не верь никому.

Я бы и не верила. Всегда верила только мужу, знала, что бы ни случилось, он не поступит подло. Так почему не должна верить ему же сейчас? Почему не должна верить в то, что они с Виолеттой любят друг друга?

Как я устала за эти сутки...

— Я пойду, Дим, — поднимаюсь и вновь ловлю его удивленный взгляд.

— Ты не останешься? — он действительно не понимает, что происходит. — Ань, но ведь Ник без тебя никак.

— О нем есть кому позаботиться, — отвечаю даже не со спокойствием, а с огромной, просто вселенской усталостью. — До встречи.

— Да хоть объясни! — Дима преграждает мне дорогу.

Я тоже хотела внятных объяснений, но получила удар под дых. Глубоко вдыхаю, чувствуя, как слабость уже атакует меня, голова немного кружится, а запах туалетной воды Димы вызывает рвотный рефлекс.

— О черт! Аня! — он подхватывает меня на руки, я это чувствую, а потом отключаюсь.

Открываю глаза, слава богу, не в палате и не в смотровой. Знакомая ординаторская. Только и успеваю это отметить, прежде чем слышу сбоку щебетание.

— Анна Валерьевна, как вы нас напугали, — узнаю голос старшей медсестры. — Как вы себя чувствуете? Хотя что это я спрашиваю... После всего, что случилось. Водички? Успокоительного? Может, давление померить?

— Ничего не надо, — говорю тихо, но она сразу замолкает. — Идите, Валентина, не надо со мной нянчиться.

— Как скажете, — равнодушно бросает женщина, и через пару секунд хлопает дверь.

Еще вдобавок и в обморок упала почти на крыльце больницы. Дима, конечно, сразу побежал в приемный покой. В принципе, его винить не за что. А сейчас надо наконец справиться с силами и добраться до дома.

Пробки уже немного рассосались, хотя дорога все равно кажется невыносимо долгой. Хорошо, что Дима не стал дожидаться, пока мне станет лучше и я все смогу ему объяснить.

Не смогу... Потому что не знаю как. Сначала бы самой разобраться.

Поворачиваю ключ в дверном замке и застываю. От запаха родного дома, нашего дома перехватывает дыхание. Слезы жгут глаза, а в груди оседает что-то тяжелое, вязкое, липкое.

Больше не будет поцелуев в этой прихожей. Не будет сов-

местных завтраков и ужинов на нашей кухне, как и букетов, встречающих меня на столе. Не будет планов, которые мы строили в гостиной. Ночей, которые мы проводили в спальне.

Все перечеркнуто. Причем не вчера и не сегодня, но меня об этом забыли поставить в известность. Разве моей жизни это не касается? Разве можно было вот так? От этого еще больнее. Не от самого факта, что Никита встретил другую, а от осознания, что муж пользовался моим доверием. Моей слепой верой в него!

Открываю настежь окна, хотя знаю: это мало что изменит. Здесь все напоминает о нас — не только запах. О нас и о горечи предательства. Если раньше я улыбалась, заходя в квартиру, то теперь думаю, в какой из моментов, которые я считала счастливыми, Никита мне лгал.

Когда говорил, чтобы я бросала неотложку и уходила в частную клинику, потому что пора планировать ребенка?

Или когда мы представляли, где и кем мы будем через несколько лет, сколько у нас будет детей?

А в это время где-то скучала и ждала Виолетта...

Даже качаю головой. Не вяжется все-таки образ романтически вздыхающей барышни с образом той девушки, которая вчера закатывала сцены в больнице. Она наверняка с боем прорвалась в палату, хотя было не время посещений. Или подкупила медсестру, или обманом прорвалась. И такая будет ждать, пока ей уделят пару свободных часов? Очень со-

мневаюсь.

Что я вообще делаю? Анализирую поведение мужа и его любовницы? Я мазохистка, что ли? Что тут пытаться понять, если все мне сказал Никита?

Дважды с интервалом в несколько секунд короткий звуковой сигнал доносится из прихожей, где я бросился свой телефон. Не хочу подниматься и смотреть, но это могут быть с работы. Всякое случается — медицина. Иду за смартфоном и открываю сообщения, но только в превью, чтобы не было видно, что я прочитала.

Дима и Егор почти с одинаковыми вопросами. Как я и где я? Если со вторым проблем нет, то на первый у меня нет ответа.

Как я? Да сама не понимаю. Не знаю, черт возьми!

Возвращаюсь в гостиную и, укрывшись пледом, стараюсь нормально улечься на неудобном диване. В спальне не смогу... Не смогу лечь в нашу постель, которая все еще хранит запах Никиты. Не смогу думать о том, была ли здесь Виолетта, пока я дежурила.

Пока мне надо просто выспаться...

Глава 5

Настойчивый звонок врывается в голову так, что я подсакиваю. Очередная трель бьет по ушам, сердце колотится, и я выдыхаю со стоном, потирая лицо. Кто бы там ни было, пусть катится к черту. Я никого не жду. Больше! Я никого не хочу сейчас видеть и слышать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.